

ISSN 2542-1476

ЛИТЕРА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2020/4
ЙОШКАР-ОЛА

*Памятник воинам-землякам,
павшим в годы Великой Отечественной войны
(село Великополье Оршанского района
Республики Марий Эл)*

Диана Кан

Любить сентябрь – опасное искусство

* * *

Словоблудием, лестью, обманом,
Безо всякого чувства вины
Рассовали страну по карманам...
Вот и нету великой страны!

Пошлый фарс претендует на драму:
Что ни мразь, что ни грязь – светлый князь.
И, похоже, что главненький самый
Со стыдом не знаком отродясь.

Закрома разменяв на карманы
И на центы – родные рубли,
Меж Зимбабве и Ганой-Гвианой
Суверенный покой обрели.

Аль не нравится вам, раздолбаи,
Инфернальное это кино?..
А страна-то, страна-то какая?
Украина, вестимо оно!

* * *

Не кручинься и не плачь,
Что под небом зябко мгlistым,
Оренбургский карагач,
Ты глядишься неказистым.

Кан Диана Елисеевна родилась в г. Термезе Узбекской ССР. Автор 8 стихотворных книг. Член Союза писателей России. Лауреат всероссийских литературных премий «Традиция», «Имперская культура», имени святого благоверного князя Александра Невского, Всероссийской Пушкинской премии «Капитанская дочка». Живёт в Оренбурге.

Не печалься, не грусти,
Что не уродился кедром,
Ибо кедру не снести
Приступов степного ветра.

Непокой да неуют.
Да ещё (их нрав неистов!)
Вновь и вновь стеной идут
Степняки-ветра на приступ.

И чинуш спесивых рать –
Ты им тоже не по нраву.
Ой горазды вырубать
И налево, и направо!

Размахнутся топором –
Только мы тебя видали!
Что им, дурням, что знаком
Ты был с Пушкиным и Далем?

Пригодятся на гробы
И на плашки для паркета.
Кабинетные дубы,
Незнакомые с поэтом.

Что им гордый русский стих,
Устремлённым на Канары?..
Ты – бревно в глазу у них,
Знойным пальмам ты не пара!

Топором взмахнёт палач...
В дни печали и раздора,
Оренбургский карагач,
Малой родины опора!

* * *

Никого-то я не порицаю.
Никого-то не хочу свергать,
Будь то депутаты, полицаи
Али олигархов сдобных рать.

Под портретом ветерана-деда
С десятиэтажной высоты
Я смотрю, как топчут Флаг Победы,
Разгоняя митинги, менты.

Не сдаётся мой народ отважный:
Этот гнев так долго зрел в душе!
Мат отборный десятиэтажный
Слышен на десятом этаже.

Для врагов он был недобрым знаком –
Русский мат, что древностью рождён...
С ним вставал в последнюю атаку
Дедовский десантный батальон!

Русским людям он от веку нужен –
Русский мат, поскольку без проблем
Он, за неимением оружия,
Заменяет даже АКМ!

Истина Шукшина

Мы все – немного чудики.
А ты у нас – один!
Нам истину на блюдечке,
Преподнеси, Шукшин!

Она, по-русски ёмкая,
Необходима нам.
И с голубой каёмкою,
Конечно, по краям.

Её ты в муках выстрадал,
Когда ночей не спал.
Но неподкупной истины
Язвительен оскал.

В порыве откровения
Ты нам её изрек
В угрюмом окаймлении
Сибирских вольных рек.

...Пока молчим растерянно,
Над ней глумится враг...
Подарена... Потеряна!..
А без неё – никак!

* * *

Здравствуй, здравствуй, город Муром,
Карачарово-село!
Днём погожим, а не хмурым
Встрелись, всем врагам назло.

Вороны стозевно грают.
Встрепенулся супостат.
Шлях-дороженька кривая
Утекает на закат.

Чую, аспид кривоногий
Соловей-разбойник тут,
Коль берёзы вдоль дороги
Сплошь покляпые растут.

Обниму берёзу нежно...
Гой ты, родина еси!
Разреши собрать валежник,
Слишком строго не спроси.

В поле ласковое выйду.
Ворон грает на меже:
«Соловьи вы только с виду,
Сплошь разбойники в душе!

Глядь, валежник собирали,
Соблюдя царёв указ,
А уже и нефть отжали,
Положили глаз на газ.

Позабудь про незалежность,
Прочий суверенитет!
Собирай, браток, валежник
По стране, которой нет...».

Ворон грает. Ветер носит.
Десять бед – один ответ.
Шлях-дороженька не спросит –
Развернётся на рассвет!

* * *

Смирению у Пушкина учусь,
Хотя от дури никуда не деться.
Но русская эпическая грусть
Всё побеждает в нашем русском сердце.

В родной Берде, мятежной слободе,
Что гениальным Пушкиным воспета,
В шальной Берде, быть может, как нигде
Себя неволью чувствуешь поэтом.

Здесь вольный дух казачий не угас...
Вдали от политического вздора
Казачки вяжут шали на заказ,
Вывязывая вьюжные узоры.

Завет Берды, мятежной слободы.
Назло всем новомодным экспертизам
От звонких звёзд до пыльной лебеды
Высокою поэзией пронизан.

Дух бердяшей, яицких казаков,
Здесь умывался кровушкой бунтарской.
Здесь Емельян Иваныч Пугачёв
Озоровал воистину по-царски.

Рубил сплеча он, а любил дотла...
Императрица умная недаром
Яик-реку строжайше нарекла,
Чтоб с глаз долой, из сердца вон, Уралом.

«Какое ж тут смирение?» – спросишь ты,
Мой умный уважительный читатель,
Спугнув тысячелетние мечты
О русском счастье, что всегда некстати.

* * *

Вдоль по камушкам Кама бежала –
Своенравная песня-река.
В Волгу вовсе впадать не желала –
Мол, я ей не простушка Ока.

Я раздольнее, шире, древнее...
Кто первее – открытый вопрос.
Кто во мне усомниться посмеет?
Кто в меня не поверит всерьёз?

Говорила Оке, говорила –
Не роднилась бы с Волгой-рекой.
И объятья её отклонила,
Впредь оставшись свободной Окой.

Что бы проще? Сбежав от истока,
Суверенный блюсти интерес.
И небес лучезарное око
Отразив, разливаться окрест.

Но сестрица не вняла совету,
Восприяла совет за навет...
Эй, откликнись, Ока моя, где ты?
Песня, волжская песня в ответ!

Что тут думать и сетовать долго,
Волгу лютой захватчицей клясть?

Проложу-ка я русло под Волгой,
Чтоб в объятья её не попасть!

Чёрный ворон поможет мне в этом.
Каркни, милый, как выйти на свет!
Коли ты не родился поэтом,
То греха в злобном карканье нет.

Раздвигая волною камня,
Кама глубже под землю пошла...
Но в заветное это мгновенье
Каркнул ворон, увидев орла.

Каркнул ворон от страха и злобы
Перепутав, кто грязь, а кто князь.
Из земной потаённой утробы
Вышла Кама и – с Волгой слилась.

Это ж надо такому случиться!
Голубая печаль глубока.
Обнимается с Камой сестрица –
Вдохновенная Волга-река!

* * *

До часу рожденья тихи,
О славе мечтая едва ли,
В душе вызревают стихи –
Беспечные дети печали.

Они появляются в срок,
Что Господом Богом назначен.
И между лирических строк
Ликуют вселенные, плача.

И смотрит на строчки поэт,
Как смотрит Творец на творенье:
«Откуда взялось ты на свет?» –
Не в силах унять изумленья.

* * *

Ей не впервой по осеням невеститься,
Ведь за погляды денег не берут,
Не призывая на себе повеситься
По автострадам мчащихся иуд.

Ты можешь кипятиться, спорить, ссориться,
Но разве не иуды ты и я,
Сбежавшие когда-то в мегаполисы
От сельского наивного житья?

Полным полно таких по мегаполисам
Серебренникам скорбный счёт ведут...
За нас она и кается, и молится,
За нас, за неприкаянных иуд.

Она дрожит, не злясь на нас нисколько.
Невинная – исполнена вины!
И добавляет терпкой зябкой горечи
В осенние пророческие сны.

И жарко закипают богоданные
Предательские слёзы на щеке,
Когда осина, солнцем осиянная,
Сгорает на осеннем сквозняке.

* * *

Любить сентябрь – опасное искусство –
Взасос, взаклёб, наотмашь и навзрыд.
Ведь в том, что осень – очень-очень грустно,
Меня и Пушкин не разубедит.

Казалось бы – по золоту ступаем,
Ещё навзрыд не плачут небеса.
Но журавли уже собрались в стаю,
Мол, и синиц вам хватит за глаза.

Казалось бы, у яблок летний привкус,
И у небес лазурный окоём.
Но расставанья безутешный искус
Явил себя насмешливо во всём.

Через окно, распахнутое в небо,
Нездешней безутешностью сквозит.
Разлюбишь элегическую небыль,
Будь даже ты лирический пиит!

Ах, Пушкин, Пушкин! Это ж сколько надо
Душе поэта света и тепла,
Чтоб эту беспросветную награду
Воспеть строкой, сгорающей дотла?

Ах, осень-осень!.. Грустен очень-очень
Степных небес венчальный окоём.
Горит судьбы лирический подстрочник
Неугасимым пушкинским огнём.

* * *

Россия окаянная,
Себе же на беду –
У рьяного Ульянова
Идёшь на поводу.

Лентяя он не празднует –
Нежданный этот гость.
Наивная напраслина –
Помилует, авось!

Тебе он пустит кровушку,
Он жалости неймёт.
Последнюю коровушку
С подворья прочь сведёт.
Но не отринешь совести,
Хоть рублена с плеча.
Братоубийства болести
Молитвою леча.

...Дороженьку унылую
Протопчешь на погост.
...Зато увидишь, милая,
Как внук взлетит до звёзд.

* * *

Презрев баллады, саги, оды
И обездоленную Русь,
Штудирую гражданский кодекс
Не абы как, а – наизусть!

Сутяжники и кверулянты
Его толкуют вкривь и вкось –
Все те, кто обделён талантом
И на талант лелеют злость.

Живи на свете, как угодно.
Будь вдохновен и знаменит.
Но помни – их гражданский кодекс
Тебе презренья не простит.

Изображая неподкупность,
Разводят толки за спиной –
Толкут гнилую воду в ступе
За неимением ключевой.

Судилища да пересуды
Среди излюбленных утех.
Христами мнят себя Иуды,
Шалавы порицают грех.

Здесь я прошла злословья школу
Вживую – вовсе не из книг...
«Подонки!» – крикну для прикола.
Все обернутся в тот же миг!

* * *

Дурак дурака видит издалека.
Вор видит вора, поэт прозревает поэта.
Бездарь на бездаря не поглядит свысока...
Видим друг друга по непостижимым приметам.

Воры при деле и бездари все при чинах.
Мерзость, в причины которой не стану вдаваться.
Ну, а собратья-поэты витают в заоблачных снах,
Чуждые скрипу нотаций и звону овец.

Светский приём или великосветский сходняк –
Не изменить место встречи поэтов в России.
Вновь мы встречаемся не абы с кем, абы как –
А потому что сюда нас с тобой пригласили.

...Богopodobие – самый священный закон
В мире, где люди, любя, убивают друг друга.
Льют покаянные слёзы у кровоточащих икон,
Не покидая при этом порочного страшного круга.

Вечной поэзии вещей горячечный бред
Нам повествует об этом всё тише и горше...
Из целой толпы чужих я узнаю тебя, поэт,
И ты улыбнёшься ответно мне, как заговорщик.

* * *

Ты победил – ну и что же? –
В честной открытой борьбе...
Зависть бездарных ничтожеств
Будет уделом тебе.

Это попущено Свыше
Тем, Кто талант раздавал –
Этот божественно лишний,
Этот убийственный дар.

Суетные заморочки
Он отвергает на нет.
Не написавший ни строчки
Создал наш мир, как Поэт.

В творческом вещем угаре
И в безрассудстве своём
Самонадеянно «даром»
Мы наказанье зовём.

...Все мы друг другу – уроки,
Если попали на пир
В этот безумный жестокий,
В этот божественный мир.

* * *

Наверно, для чего-то это надо –
Предательства, подножки и тычки.
Волчицей, выходящей из засады,
Опять иду на красные флажки.

Улыбкою спасаясь от удушья,
К себе самой я возвращаюсь вновь...
О, где же ты, моё прекраснодушье?
И где же ты, великая любовь?

Подстрелены вселенскою тоскою,
Вы накануне жизни и весны
Чеканной поэтической строкою
В несовершенство мира влюблены.

Когда бы я не родилась поэтом,
Шакалы не скулили бы: «Ату!»...
Но накануне битвы тьмы со светом
Суровый кодекс волчьей чести чту.

Мне за победу оправдаться нечем:
Удел поэта на Руси таков...
...И на кануне оплывают свечи,
Поставленные мною за врагов.

* * *

Плохой погоды у природы нету!
Так отчего, зачем и почему
Я здесь со страхом ожидаю лета,
С тоскою смертной – зимушку-зиму.

От жданок беспросветных сердце стынет
Который год, который век подряд.
Но вовсе не погода – резкий климат
Виной всему, синоптики твердят.

Резка и я – чего скрывать? – бываю.
Но и опять погода ни при чём!
Повинность здешних предков отбиваю
Железным плугом и стальным мечом.

И мне до остального нету дела:
Судьба такая и удел таков –
Пашу-ратаю отчие наделы,
Попутно отбиваясь от врагов.

Повинность эта – древняя казачья –
Уральских гордых голубых кровей –
Захлёбываться горьким вьюжным плачем
В степи глухой, что выжег суховой.

* * *

Нине Анатольевне Жирковой

Когда бы про столичность ни спросили,
Я вспоминаю вовсе не Москву!
Столицей вдохновения России
Я пушкинское Болдино зову.

В каком бы веке, возрасте и чине
Сюда я ни приехала опять,
Я босиком по рощице Лучинник
Люблю, подобно Пушкину, гулять.

В той роще, как поэт непредсказуем,
К моим устам таинственно приник,
Меня сжигая страстным поцелуем,
Кипящий, как Кастальский ключ, родник.

Нет-нет, не надо пафоса о вечном!
О вечном, право, лучше помолчать...
Но здесь я в каждом встречном-поперечном
Всегда готова Пушкина узнать.

Ведь разве равнодушным мог остаться
К девочкам здешним, коих краше нет,
Дававший фору записным красавцам
Любвеобильный солнечный поэт?

Здесь, в Болдино, такие царь-девицы
На улицах встречаются порой,
Что разом забываешь про столицы,
И все столицы кажутся – дырой!

* * *

Смотрит с портрета Владимир Ильич,
Смотрит с иконы Владимир Креститель,
Как на столе воцарился кулич,
И превратилась хрущёвка в обитель.

Не вспоминая про свой партбилет,
Видя, как крашенки-яйца лелеют,
Смотрит, лукаво нахмурившись, дед,
Но возражать почему-то не смеет.

Кисти в гуашь окуная с утра
И живописцем себя ощущая,
Словно окрестная вся детвора,
Крашенки в писанки я превращаю.

Родина бодро идёт в коммунизм,
Словно в красивую добрую сказку.
Как живописен мой соцреализм
Майской порой на советскую пасху!

Бабушка средь суеты загрустит:
В храм бы, да вот искушает нечистый.
Дедушка в храм ей идти не велит.
Помни, твердит, ты жена коммуниста!

На кумачовых яичках зарю
Я вдохновенной гуашью рисую.
Женечке Чикильдину подарю
И троекратно его расцелую.

Не позабудут вовеки уста
Вкус целомудренных тех поцелуев...
Празднуем мы Воскресенье Христа,
Не поминая Всевышнего всеу.

* * *

Слова-пьянчужки вдоль речушки Пьяны
В Агрызе огрызаются порой...
А в Бондюге словечки-бандюганы
Не дружат с забубённой головой.

Измордовавшись меж мордвой и чудью,
Они смешат Казань и Шумерлю...
Вдыхаю волжский ветер полной грудью,
Взахлёб рифмую и захлёб люблю.

Обвенчанная с ветрами победы,
Овеянная песнями весны,
Я в этот мир пришла вести беседы
О сказках древнерусской старины.

Меня врачует заповедной речью
Застенчивая Заповедь-река.
И дивным сном напомнит мне о вечном
Сноведь-река, начав издалека.

А мимо покаянно-окаянно,
Как опосля креплёного винца,
В кустах петляет пьяной бабой Пьяна,
И в простоте не вымолвит словца...

Пускай порой куда похлеще мата
Названия, что помнят старину,
Для слов, что от рождения крылаты,
Степной простор наотмашь распахну.

Неси, братейко, перелётный ветер,
Стихи, что родились не налегке,
Вертлявой Пьяне и лесной Сноведи,
И затаённой Заповедь-реке.

Игорь Карпов

Виктор Бакин

Геннадий Смирнов

Михаил Смирнов

Сергей Шелепов

Альбертина Иванова

Евгений Семичев

ЛИТЕРА
4/2020

Диана Кан

Владимир Крупин

Николай Кропинов

Алексей Баяв

Олег Шатков

Алексей Черепанов